

благороднейшего рыцаря в мире! Ведь когда я так постыдно напал на вас и одолевал вас числом, вы могли меня убить, но вы меня пощадили. Я же поступил не так, ибо я и все наши родичи бились с вами без пощады. Дивно мне, – сказал сэр Борс, – что сердце мое и кровь моя не отказались мне служить. И за это я, господин мой сэр Ланселот, прошу вашего прощения.

– Любезный кузен, – отвечал сэр Ланселот, – добро вам сюда пожаловать, и знайте, вы из любви ко мне наговорили на себя чересчур много, мне же это вовсе не по вкусу, ибо и на мне вина не легче вашей: я по гордыне желал непременно одолеть вас всех. Из-за этой-то гордыни я едва и не поплатился жизнью, и в этом я сам виноват. Ведь я мог бы вас уведомить о себе и тогда не получил бы этой раны. Ибо так и древняя пословица говорит: «Жестока та битва, когда брат бьется с братом и друг сражается с другом», ведь в такой битве не будет пощады, но лишь смертное кровопролитие. И потому, любезный кузен, – сказал сэр Ланселот, – оставьте эти речи, и встретим с радостью все, что ни пошлет Господь. Оставим же это и поговорим о чем-нибудь веселом, ведь что сделано, то уже сделано. Лучше поищем для меня скорейшего исцеления.

Тут сэр Борс склонился на край его кровати и поведал сэру Ланселоту, как разгневана на него королева за то, что он носил во время турнира красный рукав на шлеме. И еще он поведал ему о том, как сэр Гавейн все раскрыл через щит, который оставался у Прекрасной Девы из Астолата.

– Так, значит, королева гневается? – сказал сэр Ланселот. – Это меня жестоко печалит, но ведь я не заслужил ее гнева, Я же поступил так только затем, чтобы не быть узнанным.

– Сэр, так я и объяснил ей, – сказал сэр Борс, – но все было напрасно, ибо она говорила мне против вас гораздо больше, чем я сейчас передаю вам. Но, сэр, эта девица, что так хлопочет здесь возле вас, – спросил сэр Борс, – это и есть та, кого люди зовут Прекрасной Девой из Астолата?

– Именно так, это она, – отвечал сэр Ланселот, – и я никаким способом не могу удалить ее от себя.

– А зачем вам удалять ее от себя? – спросил сэр Борс. – Ведь она прекрасна собой, богато наряжена и всему научена. Вот если бы, волей Божией, любезный кузен, – сказал сэр Борс, – вы могли бы полюбить ее, но в этом я не могу и не смею ни советовать вам, ни указывать. Однако я вижу по ее прилежанию, – сказал сэр Борс, – что она вас любит всей душой.

– Об этом я весьма сожалею, – сказал сэр Ланселот.

– Ну что ж, – сказал сэр Борс, – она не первая, кто хлопочет об вас понапрасну, и это тем более жалости достойно.

И так они беседовали еще о многих других вещах. А дня через три или четыре сэр Ланселот вновь почувствовал себя крепким и сильным.

10

И тогда сэр Борс сообщил ему о том, что король Артур поклялся устроить под Винчестером большой турнир между своими рыцарями и рыцарями короля Северного Уэльса и назначил его на День Всех Святых.

– Это правда? – сказал Ланселот. – Тогда пробудьте здесь со мною еще немного, пока я совсем не оправлюсь, ибо я и сейчас уже чувствую себя изрядно окрепшим и сильным.

– Слава Господу! – сказал сэр Борс.

И пробыли они там вместе почти целый месяц, и все это время девица Элейна денно и ночью хлопотала и заботилась о сэре Ланселоте, и никогда ни жена, ни дитя не были так кротки с мужем и отцом, как Прекрасная Дева из Астолата с сэром Ланселотом; и сэр Борс был за это ею очень доволен. И вот однажды, уговорившись между собою, сэр Лавейн, сэр Борс и сэр Ланселот попросили отшельника поискать в лесах различные травы, и потом сэр Ланселот послал прекрасную Элейну собрать этих трав для купания. А тем временем сэр Ланселот велел сэру Лавейну облачить его в полные доспехи и хотел испытать, сможет ли он сидеть верхом и держать в руках копьё после своей раны?

Вот сел он в седло, натянул сильно удила, а конь под ним заиграл и стал рваться в галоп, ибо он целый месяц не чуял поводьев. И попросил сэр Ланселот сэра Лавейна подать ему тяжелое копьё, и упер сэр Ланселот древко копья в железный упор. Скакун под ним рванулся вперед, почуяв шпоры, и седок, искуснейший в мире наездник, напрягся могуче и твердо, и копьё его не дрогнуло в упоре. Но при этом сэр Ланселот напрягся так сильно, направляя вперед скакуна, что затянувшаяся рана его разорвалась изнутри и снаружи и кровь хлынула мощной струей, и он почувствовал